

О вызовах политике Турции в Центральной Азии

Комментарий Центра АРВАК, 22.04.2025

04.04.2025 по итогам прошедшего с Самарканде саммита «*Центральная Азия – ЕС*» лидеры Казахстана, Узбекистана и Туркменистана подписали совместную декларацию в которой, в частности, подтверждается поддержка резолюций ООН N541(1983) и N550(1984), которые осуждают провозглашение непризнанной т. н. «Турецкой Республики Северного Кипра» (ТРСК) и призывают все страны не признавать ее. Помимо прочего, тюркские республики Центральной Азии подтвердили свои намерения установить прямые дипломатические отношения с Республикой Кипр в целях сближения с Евросоюзом. Астана, Ташкент и Ашхабад уже договорились с Никосией о повышении уровня дипломатических отношений и открытии посольств.

Новость стала сенсационной, учитывая ставшие привычными за последние несколько лет интеграционные программы тюркского мира, с каждым годом охватывающие все новые сферы жизнедеятельности стран-членов Организации тюркских государств (ОТГ). Главным маркером неожиданности случившегося следует считать реакцию именно в Турции, общество и власти которой, очевидно, были застигнуты врасплох этим документом. Как можно судить из отзывов в турецких СМИ, на протяжении последних лет Анкара последовательно проводила политику монетизации интеграционных достижений в рамках ОТГ в мощный политический актив, однако названное событие показало, что *«братские страны Центральной Азии предали турок при первой же возможности»*. Следует догадываться, что именно вопрос Северного Кипра должен был стать одним из главных пробных камней политической эффективности ОТГ на международных подмостках, продемонстрировав способность коллективного подхода и взаимопомощи в решении наиболее важных проблем друг друга. Турция ввела Северный Кипр в ОТГ в статусе страны-наблюдателя, рассчитывая на приобретение непризнанной республикой дополнительной международной площадки, легитимизирующей ее право на субъектность. Анкара определенно рассчитывала на понимание тюркских стран, ожидая, что в перспективе именно с Центральной Азии начнется признание суверенитета ТРСК. Однако тюркские республики продемонстрировали неожиданный разворот от турецкой стратегии по Кипрскому вопросу, причем сделали это не поставив в известность Анкару, которая, как казалось, уже имела достаточно рычагов влияния на концептуальные внешнеполитические решения центральноазиатских тюркоязычных республик.

Случившееся, прежде всего, свидетельствует о том, что Турция в представлении центральноазиатских стран на данный момент достигла максимально допустимой степени интерференции в регионе, переход за которую тюркским республикам грозит утратой самостоятельности. На фоне процессов в ОТГ по переходу на единый алфавит, учебные программы, научно-исторические стандарты и уже озвученное Анкарой желание внедрить единый государственный язык для всех членов, их концептуальное решение по Кипру призвано уравновесить культурно-

цивилизационную экспансию Анкары, последовательно принимающую формы геополитического вмешательства во внутренние дела Центральной Азии и во внутривосточное поле каждой страны-члена ОТГ по отдельности.

В свое время Турция получила доступ к указанному региону по причине стремления тюркских республик нейтрализовать избыточное влияние постсоветской России на регион и сбалансировать интенсивное внедрение в Центральную Азию КНР. Центральноазиатские республики нуждались в интеграционном формате для более эффективного коллективного маневра между геополитическими центрами, один из которых стремился удержать *«среднеазиатское наследие»* СССР в зоне своих традиционных интересов, другой – приобрести выгодный плацдарм для дальнейшей политико-экономической экспансии на континенте. В фундамент интеграции ожидаемо была заложена этническая и языковая идентичность тюркских республик, потенциально обеспечивающая скрепы общности этих субъектов, несмотря на массу противоречий и исторических конфликтов между ними.

Идея получила жизнь не без помощи коллективного Запада, назначившего Турцию оператором проекта и снабдившего ее необходимой политической поддержкой. В течение трех десятилетий программа *«возрождения тюркского мира»* должна была нарастить на фундаменте этноязыковой идентичности культурно-цивилизационное родство, отсутствующее или, точнее, утраченное в силу исторического расхождения векторов развития Османской Турции и родственных народностей Центральной Азии. Суммарно же этноязыковая и культурно-цивилизационная интеграция должна была привести к геополитическому союзу тюрков под главенством Анкары и под эгидой США и Великобритании, с целью создания нового мощного геополитического фактора, способного разрушить игру РФ и КНР по установлению гегемонии в богатой ресурсами и имеющей стратегическое местоположение в Азии регионе. Таким образом, Содружество тюркских государств (СТГ), впоследствии переименованное в ОТГ, со временем переросло в концептуально новую структуру, с претензией на геополитическое соперничество с Москвой и Пекином. В международном закулисье проект более известен под названием *«Великий Туран»*, и он более точно отражает цели и способы Турции распространить свое влияние на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

Однако теперь демонстративное пренебрежение тюркскими республиками одной из наиболее болезненных для Анкары проблем отчетливо свидетельствует, что проект ОТГ терпит серьезные осложнения, возможно, могущие в дальнейшем вылиться в политический кризис организации. Астана, Ташкент, Ашхабад, тем самым, впервые за годы существования интеграционного процесса отважились в коллективном формате пойти наперекор турецкой воле и, фактически, сыграть против ее национальных интересов. Это может свидетельствовать о том, что кроме тяготения соблюдением турецких интересов, центральноазиатские республики также чутко чувствуют признаки изменения глобального баланса сил как в их регионе, так и на Евразийском континенте в целом. Украинский конфликт значительно ослабил позиции РФ в Центральной Азии, а вновь начатая администрацией Д. Трампа *«мировая санкционная война»* создала предпосылки для сближения ЕС с КНР. Речь

идет как о возросшей значимости для Брюсселя китайского мегапроекта «*Один пояс, один путь*», так и возможности «дотянуться» до богатой ресурсами и демографическим потенциалом Центральной Азии, экономическую экспансию в которой Китай проводит на протяжении многих лет.

По сути, ЕС теперь уже в отдельности от США стремится стать новым важным игроком на центральноазиатской площадке и готов в этой инициативе полностью опереться на Пекин. Теоретически это предполагает новый баланс сил, с заполнением освобождаемого РФ пространства и вынуждением Турции основательно потесниться в регионе. Для Анкары складывается неблагоприятная диспозиция в Центральной Азии, где стремление к большей самостоятельности местных элит, помноженное на финансово-экономическую активность конкурирующих туркам глобальных игроков нивелируют шаги Анкары по расширению пространства своего непререкаемого влияния.

Турция на протяжении долгих лет последовательно инвестировала в программы по установлению культурно-цивилизационных связей с тюркскими республиками, в образовательные и религиозные интеграционные проекты, в политические инициативы, направленные на сакрализацию «*исторической общности народов «Великого Турана»*». Однако ее «мягкой силе» объективно не хватило финансово-экономической компоненты, как показывает международный опыт, являющейся самым эффективным методом скрепления партнерства и союзнических отношений.

Турция проигрывала и России, и, главным образом, Китаю в экономическом освоении Центральной Азии и в инвестиционной политике. И это объективная данность, поскольку Анкара не обладает финансово-экономической мощью, сопоставимой с ее геополитическими амбициями. Теперь же у тюркских республик Центральной Азии появился новый финансовый источник в лице консолидированных инвестиционных фондов ЕС, готовых осуществить большие вложения в развивающиеся экономики Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана. Не случайно, что на саммите в Самарканде глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен объявила, что ЕС подготовил для стран Центральной Азии первый пакет инвестиций на €12 млрд в рамках программы *Global Gateway* («Глобальные ворота») и перечислила 4 приоритетных направления для сотрудничества: Транскаспийский транспортный коридор, критически важное сырье (углеводороды, редкоземельные металлы), «зеленая энергетика» и цифровая связь. Это существенное подспорье странам региона, которое в будущем будет только увеличиваться, если центральноазиатские столицы будут учитывать и работать в русле геополитических приоритетов ЕС. Фон дер Ляйен практически прямо дала понять партнерам, что для Брюсселя крайне важна политическая составляющая заключенной сделки, дословно заявив, что Европа в обмен на инвестиции ожидает от центральноазиатских республик углеводороды, редкоземельные металлы и «*политический диалог*». Именно в качестве подтверждения своей готовности к выполнению последнего условия 3 тюркские столицы подписали коммюнике о непризнании так называемой «*Турецкой Республики Северного Кипра*», что стало сильным ударом по самолюбию «*братской*» Анкары и ее далеко идущим планам.

Произошедшее следует считать крупным проигрышем Турции, не сумевшей выдвинуть тюркским республикам свои условия включения ЕС в большую региональную игру. Возможно, все же, что такие условия были выдвинуты, однако союзники по ОТГ сочли их принятие иррациональным в условиях конкурентной борьбы в мире за приток европейских инвестиций. В противоположность тому, европейская солидарность вновь продемонстрировала свою эффективность. Очевидно, что коммюнике о признании центральноазиатскими республиками суверенитета и территориальной целостности международно признанной Республики Кипр стал результатом эффективной работы Афин и Никосии, давших свое согласие на инвестиционную программу ЕС в тюркских государствах единственно с условием соблюдения греческих интересов. В широком же смысле, Брюссель нанес удар не только по «кипрскому кейсу» политики Турции, но и по «турецкому видению» проекта *«Великий Туран»*, показав, насколько хрупка солидарность ОТГ и насколько она неконкурентоспособна в условиях усиливающегося давления и экономической экспансии богатых и сильных игроков в регионе Центральной Азии.